

Сапогин Михаил Дмитриевич

МЫ УСЛОВИЛИСЬ встретиться в шесть вечера. Когда в назначенный срок я пришел в театр, он уже предупредительно ожидал меня у дверей репетиторской комнаты. Высокий, прямой. Чуть продолговатое лицо интеллигентного человека. Речь и жесты, присущие только профессиональным актерам старшего поколения.

Вошли в комнату, в которую изо дня в день он приходит чуть ли не тридцать лет и которая давно стала его вторым домом. Мне подумалось: в Кинешме начинали карьеру, пробовали свои силы, проверяли творческие способности десятки актеров. Одни не задерживались более сезона. Другие работали по несколько лет. Есть и постоянные кинешемцы, костяк труппы театра. Михаил Дмитриевич Сапогин, я бы сказал, — кинешемец из кинешемцев. С 1946 года он бессменно играет на сцене театра, носящего имя А. Н. Островского.

— Молодым присуща охота к перемене мест, — сказал он, будто угадав мои мысли. — Может быть, это поиск самого себя, своего творческого кредо. Я тоже не был в юности однолюбом...

Сапогин родился в Саратове. Там же впервые познакомился со сценой. Окончил студию театра им. Карла Маркса. Саратов, Кимры, Балашов, Балаково — таков маршрут далеких по времени, но близких человеческому сердцу юных лет, поры поисков и надежд, сомнений и разочарований. Воспоминания о них всегда волнуют, заставляют сердце быстрее биться.

Михаил Дмитриевич откинулся на спинку стула, чуточку прикрыл глаза.

— Это теперь молодежь горячая. Чуть из училища — уже дерзает на главные роли. Не осуждаю. Хорошо. Но, честно говоря, мы в свою пору были скромнее. Дадут небольшую рольку — и довольны, корпим над нею... Помню, в Балашове ставили «Чудесный сплав» Киршона. Поручили мне сыграть одного студента. Роль небольшая, а интересная. Тот молодой человек всегда и везде опаздывал. Режиссер посоветовал: «Нужно вжиться в роль — это главное». Ну я и вжился, стал опаздывать даже на репетиции. Режиссер бранится: «Ты, конечно, вживайся, но не до такой же степени!» А я ничего поделаться с собой не могу. Опаздываю, и все тут!..

Сапогин негромко хохотнул над самим собою.

— Комическая, конечно, ситуация. Но вспоминая ее, всегда думаю: студент тот понравился зрителям. Выходит, нет малых, никчемных ролей, каждая будет замечена, если актер вложит в нее частичку самого себя...

Михаил Дмитриевич помолчал, собираясь с мыслями.

— Позднее, в Кимрах, пробовали меня на различных амплуа в «Вишневом саде». На ноги встал попрочнее. А вот зрелость профессиональная пришла уже в Шуе, куда при-

ехал в тридцать девятом. Играл Шванду в спектакле «Любовь Яровая» и Тихона в «Грозе». Сложные роли, воплощенные самыми замечательными актерами. Тем упорнее и кропотливее была работа над ними.

Интересуюсь, сколько же всего ролей сыграл Михаил Дмитриевич.

— Триста, пожалуй. А может, и побольше.

— И, конечно, есть самые памятные? — подбрасываю стандартный в таких ситуациях вопрос.

— Конечно, — соглашается он. — Мой творческий расцвет приходится на послевоенные

годы человека, карьериста, не останавливающегося даже перед клеветой для достижения своих корыстных целей... Воспитательное значение этих образов большое. Но знаете, о чем я сейчас думаю? О том, что отрицательные герои подчас оказываются ярче положительных. Для раскрытия их существа всегда находится больше изобразительных средств. Может быть, нам это следует отнести на свой счет, на счет актерского мастерства. Но думается, и драматурги тут погрешны. Частенько образ настоящего человека оказывается суховатым, невыразительным.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ С Ц Е Н Е

годы. Волгаря потянуло на Волгу, и я перебрался в Кинешму. Сначала сыграл Прохора в «Васе Железновой». Потом поставили спектакль по пьесе Софронова «В одном городе». В нем я играл главного героя, председателя горисполкома Ратникова.

Он снова откинулся было на спинку стула, прикрыв глаза. Но вдруг энергично поднялся, прошлепал по комнате. Полы длинного пальто распахнулись.

— Я руководитель, облеченный доверием народа. У меня опыт, эрудиция. Все мне просто и хорошо удается. А рядом — люди, обычные труженики. Их дела с высоты моего положения мелки, незначительны...

Он не играет роль, просто рассказывает о ней. Но впечатление такое, что передо мной не семидесятилетний артист, а энергичный, в расцвете лет мужчина, типичный руководитель нелегкого послевоенного времени. Один из тех, кто энергично двигал вперед народное хозяйство, но в силу отсутствия подлинной внутренней зрелости забыл об окружающих, поставил свое «я» выше коллектива и сам не заметил того, как оторвался от людей, потерял их уважение.

Сапогин меж тем снова пристроился на краешке стула и уже спокойно продолжал:

— Нужно было показать Ратникова реально, не окариатуривая образ. Думаю, мне это удалось. Я и сейчас люблю эту роль. Может, еще и потому, что пьеса в целом остается актуальной. Ведь занаято всегда губительно для человека. И, наверное, эта роль была отправной точкой для воплощения на сцене серии отрицательных образов, которые в последующем довелось мне сыграть перед кинешемцами. Сразу же вслед за той пьесой мы ставили спектакль «Забывший друг» Салынского. В нем я сыграл гнусно-

го человека. Уже не берет. Михаил Дмитриевич Сапогин, как раньше, за десяток крупных ролей в сезоне. Друзья тепло проводили его на заслуженный отдых. Может, стоило бы ему почаше гулять по бульвару, любоваться родными сердцу волжскими просторами. Только как-то само собою получается, что маршруты этих прогулок обязательно приводят ветерана в тесноватую комнатку на втором этаже театрального здания с неброской табличкой «Репетиторская». И если постоять перед этой дверью в часы актерских «тренировок», среди звонких молодых голосов вдруг услышишь скрипящий старческий:

— Прибег буланый-то? Ну пошто ты их так ругаешь-то...

Сапогин готовит очередную роль. По этому поводу, грустно улыбнувшись, он заметил:

— Такова жизнь. Время за-

ставляет дедов играть. И между прочим, я почему-то все больше влюбляюсь в них...

Мне вспомнился спектакль, в котором Михаил Дмитриевич играл деваностолетнего колхозника. Когда он с грохотом свалился с печки, мой сосед в зрительном зале шепнул:

— А этот, видно, не артист. Говорят, прямо из деревни какого-то чудака привезли.

Что ж, лучшей оценки творческого труда мастера сцены, наверное, и не нужно. Но где находит актер те выразительные слова, интонации, жесты, которые способны в одно мгновение выразить весь внутренний мир героя?

— Везде! — отвечает Сапогин. — На улице, в фабричном цехе, в магазине, на базаре — везде. Менее всего — в репетиторской. Материал для творчества поставляет нам жизнь.

Все так. Человек, посвятивший себя театру, работает не только в его стенах. Он, подобно сжатой пружине, всегда нацелен на свое дело.

А. МАСЛОВ.
(Соб. корр. «Рабочего края»).

«Рабочий край», г. Иваново, 1944 г. 2 ч.